

Анатолий Агарков

Проказница Верка

Электронная версия

Проказница Верка

*Есть женщины, настолько всеми любимые,
что их не отваживаются полюбить.
(Э. Рей)*

Уже знакомый дикий наш бугорский край, где девочкам после захода солнца выход на улицу строго запрещён. Кем? Да, ни кем - просто опасно. Братва наша уличная взрослела, зверела, угнетаемая инстинктами, могла и изнасиловать – только попадись.

По этой самой позорной на зоне статье загремел в места не столь отдалённые Славик Немкин. Жалели его. Жалко было и девицу-соседку, над которой неизвестные насильники надругались чуть ли не на пороге дома. «Женилки б оторвать поганцам», – судачили о лиходеях, а парни кивали и вслед смотрели с тайною надеждой, а может нам добром уступит - теперь-то уж что терять.

И, представляете, приезжает девчонка, смазливая, бойкая – матерится, курит, пьёт, играет на гитаре и с хрипотцой в голосе поёт блатные песни. Кто-то сунулся её потискать и тут же схлопотал - да приложилась крепко. Парни наши к такому обращению не привыкли – опешили, притихли, призадумались. А меж собой решили – надо будет тактику поменять.

Приехал из Челябинска на выходные - они ко мне.

- Слышь, скубент, дурёха объявилась – по всему видать, жжёная, а не даёт. Ты у нас говорливый – зачни, а как распечатаешь, пустим по кругу.

Знакомят. Приглянулась. Сидим с ней рядышком на лавочке, вокруг парни колготятся. Она гитару щиплет и поёт:

- А где бы взять мне денег, милый мой дедочек?

А где бы взять мне денег, лысый голубочек?

Парни хором (спелись уже):

- Спекулируй бабка, спекулируй Любка

Спекулируй ты моя, сизая голубка

И так до бесконечности – о бабе Любе и её лысом старике.

Потом Вера гитару отложила:

- Всё, хватит - пальцы заболели. Идёмте безобразничать.

На улицах темно – самое время кому-нибудь «стукалочку» устроить или дверь в доме подпереть. Но сначала по садам надо прошвырнуться - начало осени, груши в самом соку. А у кого они самые лучшие? Да конечно, у Жвак. Сиганули парни через забор, а мы стоим с Верочкой напротив дома и мило беседуем. Из проулка выплывает мамашка Жвакина – должно быть, со второй смены.

- Чего тут отираетесь?

- Квартиру ищем для молодой семьи.

- Так поздно? Нет у меня комнаты свободной – идите прочь.

- Может, кровать? Нам только переночевать.

- Больно бойкая ты – чья будешь? А этого я знаю – Агарковых парнишка. Верно?

Я кивнул.

- Идите с Богом. С милым и на лавке хорошо.

- Хорошо, но зябко.

- Что ж выбрала такого - согреть не может?

Удалилась.

Парни из её сада повыпрыгивали – карманы, пазухи грушами набиты. Пошли дальше.

На самом краю посёлка в угловом доме жил Вовка Летягин со своими родителями. Парень скромный, заикастый. Папаша интеллигент, а мама в магазине продавщицей работает. Сторожихой проживала в нём бездомная старуха с внучкой наших лет - Юлей звали. Стала продавщица девушку привечать, домой приглашать и ночевать оставлять. Не дело, мол, девице в казённом здании на сундуке ютиться.

В какой-то момент Вовчик к ней подкатился, потом расхвастался: - так, мол, и так, живу с Юлькой в интимных отношениях. Девственники наши аж зубами заскрипели – такой лох, а уже испробовал женских ласк. Умней ничего не придумали – морду хвостуну набить. Предлог убедительный придумали – месть за обесчещенную сиротку. И меня в это дело втянули.

Серёга Грицай к тому времени в верзилу вымахал, кровь кипит, крышу сносит – он и возглавил банду мстителей.

- Припру, - говорит, - растлителя, и дело с концом.

Очень ему эта фраза понравилась – несколько раз повторил.

Обложили усадьбу, стережем, когда Вовочка на улицу сунется. Папашка его учуял что-то, выходит и ко мне.

- Драться не хорошо, - говорит. – Дружить надо. Мы ж соседи.

Тут Грицай из-за угла выскакивает, пиджак, как бурка у Чапая, развевается.

- Припру! – орёт, подумал, что Вовку прихватили.

За ним вся банда скачет. Папашка Летягин прыг за мою спину.

К чему я это рассказал? К тому, что Вовочку мы не отлупили, а Верке только намекнули, что хлыщ один сироткой овладел, так она тут же встрепенулась:

- Пойдем и яйца поганцу оторвём.

Заглянули в светящиеся окна. Вдвоём молодчики сидят - в картишки перекидываются, улыбаются как-то принуждённо. Наверное, врал Вовка об интимной близости – любовники себя так не ведут. Родителей не видно - должно, уехали куда на выходные.

Вера нам:

- Брысь отсюда! Смотрите, слушайте и не мешайте.

Мы спрятались, она стучит в окно. Вовка вышел на крыльцо:

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО здесь

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php